

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Crazyoptimistka

Расскажи мне историю

Crazyoptimistka

Расскажи мне историю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67688715

SelfPub; 2022

Аннотация

Что это? Ты видишь? Пролетело мимо тебя и, вспыхнув на закате, исчезло? Ты в замешательстве? Но ничего, я объясню. Это жизнь. Сотни жизней, которые мелькают передо мной. Но я не в силах что-либо предпринять. Я – сторонний наблюдатель, спутник на этом отрезке пути. Однако проживаю эти истории, как свои, и хочу поделиться ими с вами. Кто я? Сейчас я приоткрою эту тайну...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 0	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	64

Crazyoptimistka

Расскажи мне историю

Глава 0

«Джоан»

Остановитесь. Уделите всего секунду и оглянитесь по сторонам. Сколько бесценных моментов пролетает мимо, словно песок сквозь пальцы. А люди даже не замечают того, как прекрасно небо, когда его окрашивают лучи восходящего солнца. Как ласкает слух шелест листьев, когда их колышет легкий весенний ветерок. Как чудесно и сказочно выглядит снег, который только выпал и ровным ковром устилает участок перед домом. Человечество настолько погрязло в рутине и проблемах, что прожигает жизни не задумываясь над тем, что слава, деньги, положение в обществе ничего тебе не дадут, когда твое сердце перестанет биться. Перед финишной прямой – все равны. Вот только люди начинают думать об этом слишком поздно. Или же не задумываются вовсе.

Я стою на улице, облокотившись на стальное крыло своей ласточки. Мои глаза закрыты. На данный момент, я вслушиваюсь в гул вечернего города. Музыка из соседней кафешки, гудки авто, громкие телефонные звонки и просто шум голов. Все это сливается в непередаваемую симфонию. В ту,

от которой почти все человечество отмахивается.

Из забвения выводит писк будильника, который оповещая меня о начале смены. И когда глаза распахиваются, замираю от потрясающей красоты. Солнце почти склонилось за горизонт и окрасило небо дивным цветом. Местами алый, местами розовый, а где-то проскальзывал пурпурный оттенок. Словно какой-то художник хаотичными мазками раскрасил небесное полотно вместо своего холста. Запахиваю кардиган и обхожу авто, а затем сажусь за руль. Приготовления занимают всего минуту и состоят из хорошо скоординированных действий: поправить зеркало заднего вида, включить любимую станцию по радио, зажечь освещение шашечки на крыше. И вот, я уже выруливаю со стоянки и вклиниваюсь в поток остальных машин. Телефон вибрирует и коротко сигнализирует. Бегло просматриваю список клиентов, которые меня ожидают сегодня. Имена и адреса... пока что ничего не значащие строчки на моем смартфоне. Пока. Но скоро это может измениться.

За всю свою работу, я поняла, что люди разделяются на две категории. Первая и собственно, самая часто встречающаяся – болтуны. Любители поюморить, посплетничать с кем-то, кто их вообще не знает. Им это знакомство даже не принципиально, главное, чтобы были уши. А ведь, как известно, бармен и водитель – лучшие психологи в этом мире. И что самое главное, самые доступные. Советом могут и не помочь, а вот выслушать всегда готовы.

Вторая категория – молчуны. С ними все строго наоборот. Обычно они боязливо едут сзади и пристально смотрят за дорогой. При этом, не проронив ни слова. Может они стесняются, а может, просто не доверяют. И я не виню их в этом. В конце – концов, я лишь незнакомка на их жизненном пути. Но и это не важно...

Плавню перестраиваюсь на нужную мне полосу и затем замечая ее. Мою первую клиентку.

Глава 1

«Кэрол»

Немолодая женщина, но в довольно неплохой форме. Стрижка по последней моде, профессиональный мейк, который ее чуть молодит. Стильная и дорогая одежда, в руках небольшая сумочка. Но за всей этой красивой оберткой просматривалось все то, что она так хотела скрыть. Усталость. Она буквально плескалась в этих немолодых глазах. Усталость от прожитых лет, от сына – оболтуса, который транжирил семейные деньги на глупые прихоти. От подруг – завистниц, которых приходилось терпеть каждые выходные на званых ужинах. От гулящего мужа, коротающего свободное время с очередной пигалицей лет на пятнадцать – двадцать меньше, чем ей.

В это утро, одна из шлюшек впервые решила позвонить к ним домой. Кэрол выслушивала гонористый тон девицы и мысленно напоминала самой себе, что волноваться нет смысла.

– Мой пупсичек обещал на мне жениться! – Взвизгнула барышня на том конце провода.

– Можно подумать, ты первая, кому он вешает эту лапшу на уши. – Хмыкнула Кэрол в ответ.

– Но ведь я беременна!

Вот тут, женщина задумалась, что муж совершил такую

оплошность не случайно. Ведь за многочисленные годы его измен ничего подобного не происходило. Либо осечек не было, либо благополучно откупался щедрыми чеками. В груди что-то кольнуло и Кэрол была вынуждена бросить трубку. Все равно всю остальную информацию она выбьет из своего муженька – кобелины.

Как и полагается богатому наследнику, Генри Руфусу пришлось жениться не по любви, а по скрупулезному расчету его отца. Поэтому девушка была выбрана из хорошей и главное, наравне с ними богатой семьи. Невеста оказалась невзрачной особой. Кэрол не славилась ни хорошенькой внешностью, ни отличной фигурой за которую можно уцепиться взглядом. А надо сказать, что Генри был весьма падок на женские упругие выпуклости. Стоит ли говорить, что парень предпочел напиться до поросячьего визга лишь бы не ложиться в одну постель с уже законной женой? Впрочем, не ложился он в их общую кровать и после свадьбы. Сама Кэрол была этому отчасти рада. Ее новоиспеченный супруг отталкивал ее всем, чем только можно. Манерами, жестами, фразами, внешностью. Возможно, она просто видела в нем того, кто так бездумно украл ее жизнь. Нет, жили они в достатке. Но без любви, которая, по мнению их родителей должна была проснуться в процессе. Но не проснулась. А развод для нее был чем-то недостижимым. В высшем обществе терпели многое ради престижа семьи и имени. Сколько слез было пролито из-за этого, сколько бессонных ночей было прожито. Но хуже ста-

ло тогда, когда родители озаботились отсутствием наследников. Одна мысль о том, что придется рожать от нелюбимого мужчины, повергла Кэрол в шок. Но и здесь Генри быстро все взял в свои руки. Самая лучшая закрытая клиника, несколько болезненных процедур и затем долгие девять месяцев ожидания. Вот только не завершения ее беременности. Муж лишил ее и этого. Суррогатная мать вносила малыша вместо нее. Кэрол после этого впала в дикую депрессию с последующим долгим лечением у психиатра. Все наладилось лишь благодаря чудесным маленьким таблеточкам, которые стали ее вечными спутниками и по сей день. С ними мир казался не таким уже и хмурым, а все проблемы лопались, будто мыльные пузыри. Но стоило пропустить прием хотя бы одной, все чувства снежной лавиной накрывали ее вновь. Кэрол была несчастна. В браке, словно в золотой клетке, но без возможности что-то решать. С изувеченной душой, разбитыми мечтами и пониманием того, что ведь ее жизнь могла сложиться иначе. Она могла быть любима. У нее могла бы быть настоящая семья с настоящими детьми. Ее детьми. Как бы она не старалась, но так и не смогла принять сына в свое сердце. Парень рос копией отца. Жестокий, своевольный юноша. Рано познавший вкус богатой жизни и вседозволенности. Генри поощрял его и гордился. А Кэрол только и могла, что выпить таблетку и уйти в другой мир – иллюзию, где все было совершенно по-другому.

Шли года, сын вырос и перешел на более экстравагант-

ные забавы. Впрочем, разгульный образ жизни его отца не мог подать ему другого примера. Внутри шикарного особняка все знали, что Генри любит пройтись по бабам. Но вне его, они становились счастливой семьей с глянцевой обложки. Кэрол свыклась со всем не без помощи волшебных пилюль. Однако новость того, что муж разрешил залететь одной из этих девиц вывела ее из равновесия. Чуть позже, когда Генри соизволил явиться домой, Кэрол устроила грандиозный скандал с бьющейся посудой, проклятиями и пощечинами.

– И представляешь, – женщина затягивается сигаретой, – он заявил, что встретил ту, которую так сильно захотел осчастливить.

– И что же вы сделали? – Мельком кидаю на нее взгляд и возвращаю его на дорогу.

– Решила, что больше не хочу терпеть этого козла! Я ушла от него! – С гордостью ответила Кэрол. – Я теперь свободна! И вот это мне тоже больше не к чему!

С этими словами, она вытаскивает пузырек таблеток и кидает его в открытое окно, даже не подумав о том, что может попасть в другую машину. В этот момент я увидела, как лицо женщины преображается и становится счастливым. Я хочу порадоваться за нее и вместе с ней, но по долгу службы не имею права. Сопереживание клиентам – табу в нашем деле. К тому же, вся ситуация омрачается несколькими факторами о которых, я увы, не могу рассказать. Остается лишь наде-

яться, что впереди ее ждет нечто стоящее и правильное, чем это все.

Джоан

Не торопите свои дни. Даже, если на работе возникли какие-то трудности и муж забыл вынести мусор. И если дети вновь принесли двойку из школы, а кот испортил вашу любимую вещь. Не просите, чтобы этот день быстрее закончился. Он уйдет и больше не повторится. А что будет завтра... сколько таких дней осталось в запасе никто не знает. Люди тратят драгоценные минуты на ссоры, сплетни, зависть, войны. Этот список бесконечен. И лишь один фрагмент в этом не вечен. Человек. Создание, которое по идее должно быть умным в своей цепочке, допускает такую досадную ошибку. Теряет данное ему время на глупые поступки и бессмысленные разговоры. И слишком поздно осознает свою ошибку. Вот только время уже не вернуть.

Глава 2

"Дон"

Серый взгляд глаз сканирует кабину и останавливается на мне. Широкие брови на секунду сходятся к переносице, а затем его лицо расслабляется.

– Простите, привычка, – бросает он в мою сторону и оказывается на соседнем сиденье. В таком же привычном жесте бросает руку на то место, где по идее у него должна быть кобура с табельным оружием. Но его там нет, собственно, как и бронежилета. Мужчина потирает грудь ладонью и морщится.

– Трудная смена? – Как бы невзначай задаю вопрос. От тона его ответа будет понятно, стоит ли вообще продолжать этот разговор. Точнее, захочет ли он этого.

Он задерживает дыхание, будто взвешивая все "за" и "против". А затем медленно выдыхает и кивает головой:

– Да, какой-то ублюдок высадил всю обойму на задании. Броник в решето, а я даже не знаю, каким чудом выжил. Удача наверно.

Смотрю на него и поджимаю губы. Вряд ли здесь дело в удаче. Но если ему так удобно думать, то спорить не стану.

Дон всю дорогу смотрит прямо и лишь изредка бросает взгляд на приборную панель. Немногословен, напряжен. Мне его даже немного жаль, ведь насколько работа поглотила его и оставила свой отпечаток.

– Увлекаетесь машинами?

– Есть такое дело. – Он кивает в ответ. – Отец был автомехаником. Так что я почти все свое детство провел с ним в гараже.

– Вам нравилось?

– Возможно. – Дон как-то неопределенно пожимает плечами.

– Почему же выбрали полицию?

Собеседник молчит, а я мысленно отчитываю себя за некорректное поведение. Сколько уже работаю, а все никак не могу удержать язык за зубами и вечно лезу не туда со своими вопросами. Но в такие моменты мне кажется, что я помогаю клиентам выговориться. Не все могут свободно сесть и рассказать свою историю. Некоторым нужно время, чтобы понять стоит ли показывать своих скелетов из шкафа незнакомцам. Дон как раз из таких людей. Он долго, очень долго размышляет. А затем медленно и осторожно начинает говорить...

Дон Салливан родился в простой семье, где в почете был труд и отвага. Еще бы, почти все мужчины Салливан служили в полиции и делали этот мир безопасней. Однако его отец выбился из этой колеи и тем самым подал своему сыну такой же пример. Дон никогда не хотел идти по стопам своих дедов и прадедов. Ему было чуждо оружие и он панически боялся такой ответственности. Но мать Дона совершенно его в этом не поддерживала. Она и сама работала в этой сфере, прав-

да связанная с документами и полицейскими отчетами. Но все же была занята благим делом. Поэтому и речи не могло идти о том, чтобы сын шел учиться на какого-то механика. Хватало и одного "не того" Салливана в семье. Если бы Дон был постарше, он бы непременно бы заметил в стремлениях матери нечто параноидальное, но он был слишком юн и слабохарактерен на тот момент. К сожалению и отец не мог отстоять своего сына. В данной семье был фактический матриархат.

Учеба в академии и последующая работа была для него невыносимой. Он имел дело со всеми видами "грязи", которая обитала на улицах города. От бомжей и проституток до местных "крыш", покрывающих притоны. Иногда Дон часами мог простоять под горячим душем, стараясь смыть с себя вонь и липкое ощущение мерзости. Стоит отметить, что к фанатичной убежденности в правоте своего выбора, мать Дона так же относилась и к его личной жизни. Фанатично предполагая, что еще не родилась та, которая достойна ее сына. Хотя и без ее вмешательства, жизни той не было. Редкие встречи с противоположным полом заканчивались ничем. Вечные дежурства и обесценившаяся служба не прельщала женщин. А опускаться до заказа эскортницы ему не позволяла вера и собственное достоинство. Быть может, кроме этого, элитные шлюхи ему были попросту не по карману. Так как работа в участке не приносила хорошего заработка, а взятки он принципиально не брал. Так и получалось, что

одни получали все, а он довольствовался геморроем и головной болью.

Время для Дона тянулось не хуже резины. Иногда он с тоской понимал, что лучшие годы жизни были потрачены впустую. В угоду матери он лишил себя мечты, семьи и будущего. И от этого, когда-то веселый паренек превратился в вечно хмурого мужчину, которого сторонились на работе и не только. Но ему уже было наплевать. Закрывшись от всех, Дон просто жил. Отживал день за днем. Изредка с завистью наблюдая за счастливыми сотрудниками и их семьями на очередных мероприятиях, где он заливал свой желудок алкоголем. Когда жаркое пошло напрочь сметало все барьеры, он заходил в рыданиях от своей никчемности. Но делал это уже будучи дома, не боясь что кто-то его увидит. На тот момент в его жизни уже никого не было. Родители отбыли на тот свет, а рядом никто не удерживался. Так что работа была единственной женщиной в его жизни, с которой он жил и которая его же и имела во все дыры. Возможно, он бы спился и покончил с собой от безысходности, пока в один день все не изменилось...

Дона перевели в убийный отдел. И вот там благодаря полученному в погонях и перестрелках адреналину, он наконец-то почувствовал вкус жизни. И осознал ее цену. Как будто кто-то свыше вдохнул в него новую искру.

– Поздно, но хорошо хоть так, – он будто оправдывался в ответ. – Теперь я точно знаю, что торопиться некуда. Что

есть к чему стремиться.

– Я рада, что у вас все так сложилось. И что вы наконец-то нашли свое призвание. – Киваю и на мгновение отрываю взгляд от дороги. Рядом со мной сидит вполне счастливый человек, который с блеском в глазах рассказывает о многочисленных успешных операциях. Единственное о чем он жалеет так это то, что потратил столько времени зря. Я тоже жалею, но не его одного. Ведь в каждом из нас есть что-то похожее на Дона. Страх, нерешительность, зажатость, рамки воспитания и прочие моменты, которые мешают человеку зажить так, как ему хочется. И наслаждаться каждой секундой своей жизни.

Глава 3

Когда я останавливаюсь у очередной клиентки, на небе начинают гаснуть звезды и солнце медленно готовится к восходу. Почти половина города спит, дороги пустынные. Я замечаю ее не столько по указанному маршруту, сколько по самой девочке. Девушке. Которая ярким пятном выделялась в полумраке. На ней длинное вечернее платье, шикарная прическа и зажатый в руке клатч. Если бы не потеки туши на ее лице, можно было бы с уверенностью утверждать, что она возвращается с банкета, где прекрасно провела вечер. Грациозной ланью, девушка оказывается на заднем сиденье и меня окутывает шлейф ее туалетной воды. Конечно же, я ментально узнаю этот запах.

J'ADORE от Диор. Но он так явно не подходил ей по композиции. Слишком тяжелый аромат для столь юного возраста. И когда дверь за ней закрывается, я могу получше рассмотреть свою пассажирку. Определенно ей около двадцати. Даже сквозь остатки профессионального макияжа виднелась молодая и не тронутая морщинами кожа. На шее болтается слишком дорогое кольцо, которое явно было взято с разрешения матери. Она шмыгает носом раз, потом второй и отворачивается к окну, пытаясь скрыть слезы. На очередном светофоре, я не оборачиваясь, протягиваю ей салфетки.

– Спасибо, – немного сипло отвечает она. – Вы наверняка

бойтесь, что испорчу вам обивку салона?

– У вас отличное чувство юмора, – улыбаюсь лишь уголками рта. – Боюсь, что этот салон видел кое-что пострашнее, чем ваши слезы. Я – Джоан.

– Бетти Джой.

– Такая интересная фамилия. Это ведь означает радость?

– Да, почти верно. И вы наверняка подумаете, что она так не подходит к моему зареванному лицу.

– Вы так часто плачете?

– В последнее время... да. Хотя я раньше почти идеально соответствовала своей фамилии...

"Бетти"

Бетти Джой была лидером с рождения. Никогда не плакала, даже если больно падала. Она вставала, отряхивалась и шла вперед. Имея цель, она не видела преград. Так было в школе и соответственно в университете. Ей завидовали, с ней хотели дружить, ее ненавидели и ей же подражали. Но девушка, словно не замечала ничего вокруг. С постоянной улыбкой на губах и долей сарказма, она без проблем вписывалась в любое общество. Бетти будто вобрала в себя самые лучшие качества, которыми могла бы обладать девушка. Начиная от кончиков густых волос и до покрашенных ногтей на пальцах ног, она была идеальна. Конечно же, это было результатом не только ее упорных трудов над собой, но и благодаря родителям. Которые с малого возраста прививали ей утонченные манеры и убеждение о том, что она достойна

лучшего. Сколько сердце было разбито, сколько гневных тирад высказано в ее адрес. Но Бетти никогда не впадала в истерику и не поддавалась страху. С достоинством напоминая, что она ничего не обещала ни одному из кавалеров. Сходить в кино – пожалуйста. Выпить коктейль – отлично. Но никаких серьезных отношений. Бетти умело флиртowała и играла парнями, а бывало и мужчинами. Но никогда не переступала границы дозволенного. Она напоминала мотылька, который так рискованно играл у пламени и чудом не сгорал в его жарких языках. Почему она так относилась? Потому что не видела ни одного достойного кандидата на роль своего парня. Ведь для того, чтобы ей соответствовать, человек должен был иметь все черты из ее лично составленного списка. А их, на секундочку, было целых двадцать шесть пунктов!

Но судьба оказалась злодейкой и вопреки всему, однажды Бетти поняла, что влюблена и в кого! В лоботряса и местного задиру, любителя легкой травки и адского пошла! В ловеласа, перед которым, как поговаривали, не устояли даже практикантки. Но как соблазнительно перекачивались мышцы под его белой футболкой. И каким томным взглядом он скользил по ее фигурке. Бетти сопротивлялась этому чувству изо всех сил. Но ее имя, так страстно звучавшее на его устах, ломало все барьеры и сносило все преграды, которые она так безуспешно выстраивала. О, как она в гневе кусала свои губы и клялась держать себя в руках. Но стоило Бруку оказаться рядом, как ее тело беспощадно тянулось к нему навстречу.

И она презирала себя за такую слабость. Но ничего не могла поделать.

Все случилось внезапно. Прямо после пар, в аудитории, где они сдавали свой последний в этом году экзамен. Бетти почему-то оказалась в последней пятерке и уже шла на выход, когда резкий рывок за руку и жадные губы на ее губах заставили девушку позабыть обо всем на свете. Если бы кто-то смел предположить, что первый сексуальный опыт Бетти сложится прямо на столе кафедры, она бы покрутила пальцем у виска и назвала бы того человека глупцом. Ибо этот момент она планировала совсем иначе. С обязательным люксом и разбросанными по атласным простыням лепестками роз. Было больно, а после стыдно. Особенно, когда Брук вышел из нее и, хлопнув по ягодице, что-то неразлично прошептал. Кажется, он извинялся. Но девушка его почти не понимала. Ей казалось, что мир сошел с ума и она вместе с ним.

В их отношении не верили. Даже сама Бетти иногда ловила себя на мысли, что случившееся просто сон. Щипала себя каждый раз, когда они оставались наедине. Пусть все сводилось к сексу, но какому! Жаркому, животному, страстному. В тот момент, ей чудилось, будто они становятся единым целым. Дрейфуя на его груди, девушка засыпала под тихий шепот парня, который обещал подарить любую звезду с неба. А ей и этого не надо было. Лишь бы Брук оставался с ней рядом. Бетти отмахивалась от любой мысли о том, что их что-то может разлучить. Глупышка...

– А ведь я даже и не поняла, что все игра. – Девушка уже не плакала, но и не поворачивалась лицом ко мне. Ее голос звучал глухо и отстраненно. – Как странно, да? Не заметить, как становишься игрушкой в чьих-то руках?

Глупое счастье продлилось недолго. Ровно до сегодняшнего вечера, когда Бетти приехала на вечеринку по случаю окончания учебного года. Отмахиваясь от вопросов подозрительных в последнее время родителей, она окрыленная своими мечтами, выпорхнула из дома. Еще бы! Спа, укладка, маникюр и это все ради Брука. Пусть он будет королем сегодняшнего вечера, ведь рядом с ним такая королева. Она даже не придавала значения тому, что парень последние пару дней как-то странно увивает от их встреч. И даже не совсем осознала тот факт, что на нее как-то странно пялятся окружающие.

– О, сейчас начнется. – Слышится шепот ей в спину. – Ставлю двадцатку на пощечину.

– А я тридцатку на то, что она ничего не сделает.

Что это? Что за бред? Бетти отмахивается от фраз, словно от надоедливых насекомых и входит в гостиную, где мгновенно все замирают. В том числе и блондинка, которая оседлала колени ее Брука. Он даже не сгоняет ее при виде Бетти и продолжает удерживать ее за зад. На губах девушки ядовитая ухмылка и Бетти понимает все без слов.

– За что? – задает она единственный вопрос, который зашел у нее при виде этой парочки. – Чего тебе не хватило?

– Ой, крошка, да забей. Это был спор и не более. – Парень разводит руками и ухмыляется. – Который я выиграл. Видишь этих людей? Они не верили, что такую сучку можно окрутить и поиметь. Они считали, что такой бродяга как я не сможет уломать нашу элитную занозу Бетти Джой. Что ж, ты вполне соответствуешь своей фамилии. С тобой можно повеселиться от души. Так что парни, рекомендую.

Под общее улюлюканье толпы на оголенный этой жестокой правдой разум обрушивается понимание ситуации. Но вопреки ожиданиям всех присутствующих, она не заплакала, хотя в душе плескалось море слез. Сама того не осознавая, она схватила бутылку со столика и сделала несколько шагов к нему навстречу.

– Ну что, тогда стоит отметить это, – стальным голосом произнесла она и как только оказалась рядом, с размаху ударила парня по голове.

Шум, крики, хаос вокруг... кто-то кричит о скорой. Но Бетти уже выходит из здания и быстрым шагом направляется в сторону остановки. Перед глазами пелена, в голове туман. И дикая отрешенность от этого мира. Она бредет по дороге, заливаясь слезами и упиваясь своим горем. А затем приходит истерика и девушка вовсе падает на колени, не задумываясь о сохранности дорогой ткани платья. И уж совсем поздно понимает, что такая слабость нахлынула на нее не вовремя. Девушка оказалась на проезжей части, а на нее неслась машина, ослепляя светом фар.

– Что самое страшное, – она впервые смотрит в мою сторону, – я не испугалась. Просто сделала шаг назад.

Я не решаюсь ответить, просто веду машину дальше. Пока экран смартфона не загорается светом. И облегченно вздыхаю, когда читаю обновление.

– Знаете, остановите меня у больницы, – подает голос Бетти. – Что-то голова раскалывается.

– Без проблем, – отзываюсь и меняю траекторию нашего движения. – Скорейшего вам выздоровления.

– Спасибо... но я не больна. – Девушка оборачивается и захлопывает за собой дверь. А затем наклоняется к открытому окну. – Хотя вы правы. Разбитое сердце ведь тоже можно назвать болезнью или травмой?

Ее улыбка выходит печальной. Но девушка расправляет плечи и с гордо поднятой головой направляется в сторону дверей больницы, которые бесшумно раздвигаются и принимают свою посетительницу. Я еще с минуту стою и смотрю ей вслед. Как же мне хотелось бы, чтобы таких историй было меньше в этом мире. Или чтобы девушки имели хотя бы капельку той уверенности и силы, как у Бетти. В том, что она справится, я не сомневалась. Даже сильные люди могут поддаться слабости и сбиться со своего пути. Но только единицы могут вернуться обратно.

Глава 4

Не успеваю отъехать от здания, как слышится очередной сигнал и вновь новый адрес. И это нормально, когда один пассажир сменяется другим. Таков кругооборот в этой жизни. Бывает и такое, что я вижу клиента не впервые. Как сейчас.

– Доброе утро, Марк! – Зову его по имени и выскальзываю из кабины на встречу. В его случае я так делаю постоянно. Марк Спенсер слишком стар, чтобы отказываться от помощи. Но отнюдь не теряет чувство юмора. И, пожалуй, единственный, кто помнит меня.

– Доброе утро, душечка, – его голос похож на тихий шелест. – Я снова к вам.

– Вы уверены? – легкая улыбка появляется на моем лице. – Может, еще погуляете?

– Ох, душечка, нагулялся. – Старичок добродушно прихлопывает меня по плечу.

– Вы каждый раз так говорите...

– И каждый раз ускользаю. Но нет, теперь я весь твой.

Смотрю на испещренное морщинами лицо, на блеклые глаза, в которых светится ум и опыт прожитых лет. Мне отчаянно не хочется с ним расставаться, но по уставу, я не имею права решать за клиента. Киваю в ответ и медленно еду по улице. Марк в это время в тысячный раз указывает

на многочисленные места, которые стали для него памятными. А я в тысячный раз спрашиваю его о каждой мелочи. Хотя знаю эти истории наизусть. Но мне так хочется сделать для него что-то приятное. И вы даже не представляете, насколько старикам важно, когда их кто-то готов выслушать...

"Марк Спенсер"

Марк Спенсер был в свое время выдающимся прокурором, который прослыл настоящим стервятником в мире судебных заседаний. Не было ни одного дела, которое бы он с блеском не выиграл бы. Коллеги уважали его, верховный судья пророчил ему свое место, а женщины не давали проходу. Его каждый день был насыщенным разными приключениями, его ночь наполнена далеко не милыми утехами. Ступеньку за ступенькой, он целенаправленно покорял жизненную лестницу и не видел никаких преград. А то, что он не мог добиться своими мозгами, он попросту покупал. Благо, продажных людей в этой жизни с каждым годом становилось все больше и больше. Помимо славы и баснословных чеков за дело, Марк столкнулся и с ненавистью. А ненависть людей, чьих родственников он умудрился засадить за решетку иногда граничила и даже вовсе переходила за грани дозволенного. И в данном случае, открытки с угрозами были милой шалостью по сравнению с тем, сколько раз Марка пытались убрать с дороги. Но он будто игрался с судьбой, увилив от расправ и непревзойденно продолжал играть на публику. Однажды его ранили, но не серьезно. Это было преду-

преждением свыше, от которого Марк так легко отмахнулся. Эка невидаль, пуля прошла навывлет, виновников нашли и наказали их же методом. И в их случае, пули остались в телах. Дело замяли благодаря связям. Благо, их у Марка было вдоволь. Если так посудить, то и он для кого-то тоже был такой же "связью", которая помогла решить ту или иную проблему. Такой круговорот, мать его.

И вроде бы все шло чудесно, и вроде бы планов было море. Мир был на его ладони и любая дверь открывалась лишь щелчком пальца. Но кто же знал, что Марк Спенсер впервые в своей жизни столкнется с такой ситуацией, когда он окажется беспомощным мальчишкой. На дворе был июль, жаркий месяц. Судья и по совместительству его старый друг заявил, что готов замолвить за него словечко в высших кругах, а значит, Марк смог бы теперь выйти на международную арену. И более солидные связи. Но только с одним условием. Чтобы до заключения сделки не было ни единого проигрыша. Для Марка это стало не условием, а каким-то глупым утверждением, с которым он согласился без раздумий. Ему и переживать-то не стоило, на повестке дня не было ни одного слушания, а до завершения сделки оставался всего лишь какой-то там месяц.

Не спеша, прогуливаясь по супермаркету, он витал в облаках и не заметил, как столкнулся с какой-то женщиной.

– Простите, – неловко прошептала она и наклонилась за выпавшим пакетом молока.

– Ничего, – великодушно ответил ей Марк и тоже присел, чтобы поднять рассыпавшиеся яблоки из пакета.

Все случилось мгновенно. Знаете, когда соприкасаешься пальцами с незнакомым человеком и чувствуешь, как пробегает разряд тока. И когда встречаешься взглядом с глазами того человека, то понимаешь, что сердце ухает и уходит в пятки. В народе это называют "любовью с первого взгляда". Но откуда об этом мог знать прокурор? Чье сердце под стать призванию было таким же черствым к подобным вещам. Женщина так мило покраснела, когда он спонтанно предложил выпить чашечку кофе и так же робко отклонила это предложение. Марк обреченно скользнул взглядом по ее лицу и фигуре, останавливаясь на обручальном колечке. И впервые с каким-то странным саднящим чувством поплелся обратно домой. Там же он вновь испытал разрывающее душу чувство одиночества. Впервые он задумался над тем, что было бы приятно приходить домой и чтобы кто-то тебя встречал. Не эти дорогие шлюшки, ждущие его денег. А такая же домашняя и любимая женщина.

Стоит ли говорить, что Марк сам того не понимая, почти каждый день оказывался в том магазине. Пока однажды удача не улыбнулась ему. Прекрасная незнакомка с каким-то рассеянным выражением лица бродила между стеллажами. И его сердце подсказывало ему, что что-то случилось. Их разговор вышел неловким и скомканным. Роза, так звали эту женщину, с подозрением смотрела на Марка.

– Я, правда, не желаю вам зла.

– Чего же вы меня преследуете?

– Не знаю. – Честно ответил мужчина. – Просто не могу выкинуть ваш образ из головы.

– Но ведь это звучит дико. Право, не стоит меня задерживать. – Она опустила голову и, собираясь уйти, кинула в его сторону. – К тому же я замужем.

– А счастливы ли вы?

Его вопрос останавливает Розу на месте. Будто выстрел, попавший ей в спину. Женщина медленно оборачивается и с грустью отвечает ему:

– Счастлива? Не знаю. В зависимости от того, что значит это слово. Кому-то счастье иметь крышу над головой, а кому-то майбах в гараже.

– А для тебя? – Марк подошел ближе.

– А для меня... – она закусывает губу. – Было счастье в семье. Вот только все оказалось иллюзией. Чувствую себя странником в пустыне, который видит мираж и свято верит в наличие источника воды в бескрайних песках...

И он понимал ее. Ведь в тот самый момент, он сам был тем странником, который все же дорвался до своей заветной влаги.

Совпадение или же случайность, но что-то их подтолкнуло их навстречу друг другу. Их общение напоминало бутон цветка, который постепенно раскрывался и набирал свой цвет. Их встречи были невинными, словно каждый стремил-

ся сохранить то важное, что они оба нашли в друг друге. Дружбу. Поддержку. Опору. Марк в тайне надеялся, что когда он получит заветное место в конторе, то предложит Розе съехаться. Ведь они уже давно оба знали, что ее муж ей изменяет.

– Почему ты терпишь все это?

– Не знаю. Может, до сих пор надеюсь, что это не правда. – Роза усмехается. – Бабская натура.

– Глупости, – Марк отмахивается и хотел еще что-то добавить, как его прерывает звонок телефона. Босс срочно хотел его видеть.

– Прости, это правда, для меня очень важно. Для нас будет важно. – Марк хватает пиджак и оставляет купюры под блюдцем.

– Для нас? – удивленно переспрашивает Роза.

– Именно. Позже все узнаешь.

– Тогда жду звонка.

Но он не смог ей позвонить, ни в этот вечер, ни на следующий день. Ведь стоило ему переступить порог офиса, как друг запер за ним дверь и достал два бокала, которые наполнил дорогим скотчем.

– Что ж, дорогой, настал твой звездный час. Ко мне обратились за помощью и ты, мой мальчик, просто обязан выиграть это дело.

– Что там у нас? – Марк в нетерпении ерзал на краешке стула.

– Плевое дело, но светят большие бабки. Просто огромные! – Судья сам чуть ли не припрыгивал на месте. – Вообще, дело такое: есть очень важный человек, которому нужно наше прикрытие. На него начинают давить, шерстить его счета. А это крайне не желательно.

– Что от нас требуется? Я ведь обвиняющая сторона, а не адвокат.

– От тебя нужно твое мастерство и все. У этого чиновника есть жена, простушка. На нее все и повесят.

– Почему это прокатит?

– Потому что она не глядя подмахивала документы, которые ей так любовно подавали на подпись. Он в свое время открыл липовую конторку, где оформил и свою женушку. Там же он отмывал и деньги. И кто-то из недоброжелателей заложил его. Нам лишь надо защитить нашего клиента от обвинений в хищении в особо крупных размерах. Сейчас людишки заканчивают переоформление фирмы на имя жены задним числом. Чтобы наш клиент оказался не при делах. Справишься?

Марк самодовольно ухмыльнулся:

– Если твои люди тщательно заметут следы, то я разыграю такое представление, что присяжные плакать будут от умиления.

– Вот и славно. У тебя день на подготовку обвинений.

Марк вылетел из кабинета, окрыленный своими мечтами. Дело было на самом деле легким. Здесь и запугивать никого

не придется, главное правильно надавить обвинениями. Эту женщину Марку было абсолютно не жаль. Стоило выбирать за кого выходишь замуж и уж тем более, раскрывать глаза, когда что-то подписываешь. И то, что он посадит ни в чем не виновного человека, его мало волновало. На кону стояло его собственное будущее и благополучие, к которому он так стремился.

– Я настолько был ослеплен этим желанием, что не удосужился прочитать дело целиком. Так, урывками хватал информацию и все... – По морщинистой щеке скатилась слезинка. – Как я был глуп...

Не хватит все слов, чтобы передать те чувства, когда обвиняемую ввели в зал суда. Марк едва не лишился дара речи. Перед ним была Его Роза. Которая беспомощно открывала рот, но не могла издать и звука. Она затуманенным взглядом уперлась в него и до конца слушания не сводила глаз. А ведь он мог изменить ход дела, он мог отказаться. Он мог сдать ее мужа прямо там, в том же зале. Но было так поздно, ведь все документы уже были подделаны. А сдать подельников судьи означало и то, что его самого упекут за решетку. Ведь никто его после такого не отпустит. И Марк испугался за свою шкуру.

– Я до сих пор виню себя в слабости. – Старичок утирает ладонью еще одну слезинку. – Но я ведь знал, что погряз в этом дерьме с головой. Ей дали срок, а я мог бы лишиться жизни. В наших кругах такое не прощают, когда сдаешь сво-

их. Мы все повязаны. Поэтому я выбрал именно такой путь.

– Вы потом пытались с ней встретиться и как-то объясниться?

– Нет. Как можно смотреть человеку в глаза, когда знаешь, что сломал его судьбу? – Марк тяжело вздыхает. – Единственное, что мне удалось, так это окольными путями сократить ей срок. Но это так ничтожно мало по сравнению с той болью, которую я ей причинил... Единственное, что я хотел бы услышать, что она прощает меня... Но это невозможно.

Я смотрю на старичка и думаю, как же он истязал себя все это время. Ведь после случившегося, Марк так и остался один. Удар оказался слишком сильным и после всего, он ушел с должности прокурора. Все его мечты он зарыл своими же собственными руками. И каждый прожитый день становился для него личным кругом ада.

– Знаете, я думаю, что Роза вас простила. Мне почему-то так кажется, что она не такой человек, который бы смог вас ненавидеть вечно.

– Душечка, ты слишком юна, – Марк трясет головой, – ты даже не представляешь, насколько люди могут измениться. Особенно, когда им причиняют вред. Я не занимаюсь нравоучениями, но прошу тебя, никогда не совершай моих ошибок. Никогда не предавай дорогих тебе людей. Пусть даже если на кону будут золотые горы. Ведь деньги... они как вода, которая утекает сквозь пальцы. И они же никогда в жизни не заменят тебе близкого человека.

Мне остается лишь молча согласиться с ним. Марк протягивает мне руку и едва ощутимо жмет мою. Силы в нем почти не чувствовалось.

– Давайте помогу, – хочу вылезти следом, но он останавливает меня.

– Не надо душечка, теперь я сам. – Марк слабо улыбается. – Теперь я сам...

Глава 5

После Марка мне просто жизненно необходима передышка. Его история вымотала меня, истощила и это даже невзирая на то, что я стараюсь держать дистанцию между собой и своими пассажирами. Но иногда их боль, горечь, отчаяние и прочие эмоции захлестывают и меня. Не так уж и просто фильтровать информацию и при этом не сопереживать героям.

Я смотрю на светлеющее небо и полной грудью вдыхаю свежий воздух. Спать не хочется. Моя голова переполнена разными мыслями, которые не дают мне покоя ни днем, ни ночью. Мне кажется, что это и есть мое наказание. Слушать и понимать, что у тебя нет возможности помочь человеку. Потому что я – нейтральная сторона. Я обязана доставить человека по указанному адресу и на этом мои полномочия заканчиваются.

И хотя в большинстве случаев, мне импонировали мои клиенты, но иногда попадались и такие, которые были не достойны ни прощения, ни понимания. Человек сам по себе заслуживал наказания за свои поступки и за свои слова.

" Элаиза "

Она требовательна. И эта черта сквозила в ее движениях, в ее позе и естественно, в ее глазах. Вальяжно рассевшись на заднем сиденье, она без разрешения достала сигарету и за-

курила. Салон тут же наполнился приторным запахом вишни. Я даже не хочу думать о том, что струшиваемый пепел оказывается на мягкой ткани и на ковриках.

– Смените станцию, я ненавижу джаз, – чуть писклявым голосом приказывает она. Не просит. Приказывает. Но я не тороплюсь исполнять эту команду. И даже не хочу заводить разговор.

– Ты что, глухая? Я же сказала, чтобы ты сменила станцию! – Ее голова оказывается между сиденьями. Девушка тянется к приборной панели, но я останавливаю ее.

– Будьте добры, вернитесь на свое место.

– С чего это ты решила указывать мне, что делать? Не забывай, мышь, твоя работа заключается совершенно в другом. Обслуживающий персонал здесь ты, а не я.

Бросаю взгляд в зеркало заднего вида и сталкиваюсь с глазами пассажирки. Ее лицо носит маску презрения ко всему миру. Не надо быть провидцем, чтобы понять, насколько черна ее душа. Она не успевает докурить одну сигарету, как достает другую.

– Не многовато ли?

– А ты врач? Или борец за окружающую среду? – Девушка надменно поджимает губы. – То -то же, рули дальше.

– Мне кажется, вы не правы в данном случае. Не стоит переносить свою злость на других, если ваш день не задался.

Она хмыкает, но сигарету подкуривает, а затем едва слышно произносит:

– День не задался? Ты даже не представляешь насколько...
ко...

" Элаиза "

Элаизе было двенадцать, когда ее заметили и пригласили в модельный бизнес. Это и стало для нее некой точкой невозврата. Точкой, когда закончилось беззаботное юношество. Точкой, когда взрослая жизнь вскружила голову маленькой девочке. Но для нее это было сродни золотому билету, который подарил ей богатую жизнь. Жизнь в огромном мегаполисе, а не в маленьком городишке с бедными родителями. О которых она в последствии благополучно забыла. Элаиза не считала, что чем-то им обязана. Раз в год высылала чеки и то, не ради поддержки, а потому что ей напоминал об этом ее агент. Потому что так было нужно, чтобы поддерживать имидж хорошей девочки. Хотя о ее истинном дрянном характере уже давно ходили слухи. Элаиза слишком рано познала вседозволенность. И навалившаяся популярность сломала не совсем окрепшую психику. Деньги, шмотки, съемки, перелеты, вечеринки, много спиртного. Сначала она выпивала бокал шампанского, чтобы снять напряжение перед выходом на подиум. Затем бокал после, чтобы унять переживания связанные с показом. Потом обязательная тусовка, где она заводила полезные связи. Не обходились такие мероприятия и без скандалов. Но Элаиза об этом фактически никогда не помнила, все ее воспоминания улетучивались с хмельными парами. Стоить ли говорить, что к двадцати го-

дам благодаря своей насыщенной жизни, она выглядела уж весьма неподходяще для подиума. К тому же, ей на пятки наступало множество других девчонок. Только свежее, моложе и покладистей. Элаиза не сразу поняла, что проигрывает этот неравный бой со временем. Один отказ от участия она приняла с легкой усмешкой. После второго начала немного нервничать. На третьем Элаиза обрывала телефон агента, который монотонно пытался объяснить ей, что ее слава историчной с*ки сыграла с ней плохую шутку. А затем и вовсе повесил трубку. Девушка кричала, била посуду и была выдворена из гостиницы за нарушение порядка. Затем спустила несколько тысяч в клубе, упиваясь своей разрушившейся жизнью и многочисленными коктейлями. Она не жалела, что у нее нет семьи и детей. Она никогда этого не хотела. Деньги и положение в обществе – вот ее приоритеты по жизни. Но и это она неумолимо теряла.

Когда кредитка опустела, а голова раскалывалась от слез и алкоголя, Элаиза в безысходности решилась на один поступок. Барри Волш давненько ухлестывал за ней и готов был дать все, что она хотела. Вот только она не хотела быть рядом с этим маленьким толстым уродцем, который противно харкал и сально причмокивал губами каждый раз, когда видел ее аппетитную задницу в поле своего зрения. От Элаизы требовалось терпеть его толстые ручонки на своем теле взамен на купленный бутик модных вещиц из Парижа. Так она переквалифицировалась из модели во владелицу. И не

смотря на то, что по факту она отдалась за эту кучу тряпок, Элаиза ничуть не упала в своих глазах.

И все было хорошо до тех пор, пока она не скоротала дождливый вечер в компании своего водителя. Уж слишком были жаркие поцелуи и так твердо ощущались его мышцы под ее ладонями. Не сдержалась и отдалась, не думая о последствиях. Их встреча повторилась еще раз и еще, пока Элаиза с ужасом не поняла, что в сердце расцветает какое-то странное и от того страшное чувство. К сожалению, не взаимное. Мальчик надеялся на подарки от своей благодетельницы, она же хотела просто быть рядом с ним. Так бы и продолжалось, пока ее не притащили за волосы в кабинет к Барри. С пунцовым от крика лицом, он плевался ядом, изрыгал проклятия и бил ее лицу. Измена стала для нее непростибельной ошибкой.

Сидя в такси, Элаиза с упорством твердила сама себе, что это Барри потерял все с ее уходом. Что она была достойна лучшего, но вновь была обманута. Своей вины в этой ситуации она не видела.

Как жаль, что человек бывает ослеплен своим эго. Вдвойне жаль, когда он ничего не предпринимает. Возводя себя на вершину, никто не задумывается о том, что с нее очень больно падать. Возвышая себя над другими людьми, никто не получает каких-то привилегированных полномочий. Ты можешь вытереть ноги и плюнуть в душу, но стоит помнить об одном. Каждому воздается по своим заслугам. Элаиза этот

урок не усвоила.

Глава 6

«Джоан»

Вот и наступает новый день. Но, даже не смотря на то, что сегодня выходной, люди все равно куда-то спешат. И эта вечная спешка меня раздражает. Все "на ходу": жизнь, эмоции, решения. Мельком замечаешь, как растут собственные дети, как отстраивается твой дом, как меняются твои друзья, но не можешь насладиться этими моментами. Потому что так не принято. Потому что в обществе не поймут. Везде и всюду надо соответствовать. Нужно иметь хорошую работу, высокую зарплату, идеальную семью и высокий статус в обществе. Нет этого? Так чего сидишь? Нужно быстрее что-то с этим сделать. Я тоже такой была. Не могла усидеть на месте и вечно за чем-то гналась. А сейчас сижу на скамейке и думаю, что допустила самую громадную ошибку в своей жизни. Я попросту забыла о том, что нужно нажать на стоп и успеть просто уделить внимание тем, кого люблю. Достигая своих целей, человек обычно уже не может остановиться. Ему нужны все новые и новые вершины для покорения. Это как доза для наркомана или партия в казино для игрока. Но никто не задумывается, что торопясь всего достичь, человек просто загоняет себя как лошадь. Только во имя чего? Года проскользнули мимолетно, круг друзей и родных значительно поредел, появились какие-то диагнозы в медицин-

ской книжке. Подходишь к зеркалу и будто впервые замечаешь, что голова седая и морщины покрыли твое лицо. Ты задаешься вопросом: а как такое может быть, мне же всего двадцать? И только дата рождения в паспорте напоминает, что тебе уже за сорок. А ты даже не можешь вспомнить, как переступил это возрастной рубеж.

– Простите, – раздается рядом со мной низкий голос. – Это ваша машина?

Смотрю на мужчину в строгом деловом костюме, на его до блеска начищенные туфли и кожаный портфель в его руке. Затем перевожу взгляд на лицо и вижу, что он нервничает.

– Да, но моя смена закончилась.

– Я заплачу вам тройной тариф, но мне нужно оказаться в больнице. У меня сложный пациент ожидает операцию и я никак не могу опоздать.

– Простите, дело не в деньгах. – Привстаю со скамейки и выкидываю пустой стаканчик из под сока в урну. – Но я действительно не могу вас забрать.

– Да чтоб вас! Машина же вот, под боком! Да что вам стоит-то, а?! – Срывается он на крик и начинает нервно выхаживать передо мной туда-сюда.

Я хочу его успокоить, но телефон вибрирует в моей руке. Тоскливо смотрю на дисплей и вздыхаю. Ну вот, вновь сверхурочная работа. Еще пять имен и адресов.

– Ладно, – подаю голос. – Можем ехать.

– О, спасибо. – На мгновение оттаивает мужчина и затем

вновь возвращается к прежнему суровому виду. – Восьмая больница вверх по улице...

– Я знаю, где это, – перебиваю клиента. – Теперь можете не беспокоиться.

На секунду он смотрит на меня и, в его глазах я вижу удивление. Мне кажется, что он вообще не знает такого выражения. Оказывается, я попала в точку.

"Джозеф"

Джозеф Морган не зря имел такой грозный и угрюмый вид. По-другому и быть не могло. Он выстраивал свою репутацию годами ровно так же, как и свою карьеру. А хирургом он был отменным. Хотя для этого пришлось приложить адову кучу усилий. Паренек из семьи со средним достатком мог лишь мечтать о поступлении на медицинскую кафедру. Родители пытались объяснить ему, что попросту не потянут денежную часть учебы и хотели выбрать что-то, что не било бы по их карману. Однако Джозеф был упрям и непреклонен в своем решении. Эта упрямство было отчасти из-за его любви к этой науке. Паренек мог часами зависать над книгами по анатомии и рьяно заучивал латынь. Но еще его подстегивало неверие всех друзей и знакомых. Он хотел доказать, что человек может достичь всего сам, если только этого действительно хочет. А он хотел. Хотел до одурения.

Чудо в его жизни случилось всего однажды, когда Джозефа приняли на последнее бюджетное место в университете. Все остальное он буквально выдирает зубами. Бессонные

ночи над конспектами, вечные практики и все это ради того, чтобы его заметили. Когда другие студенты позволяли себе расслабиться и куда-то сходить, устроить свою личную жизнь, Джозеф дневал и ночевал либо в библиотеке, либо в каком-нибудь госпитале. Его жизнь была непримечательно серой со стороны. Парень усердно пахал, не позволяя себе никаких других мыслей. Для родителей стала даже неким шоком, что при таком образе жизни их сын умудрился жениться. Пусть это даже была не пышная свадьба, а роспись, где кроме молодоженов никто не присутствовал. Собственно говоря, Джозеф даже и не помнил, как это случилось. Поэтому, он просто предложил такой же повернутой на учебе девчонке быть вместе. А что, у них получился идеальный тандем. Он – хирург, она – кардиолог. Оба поглощенные своим делом, в вечных разъездах и конференциях. Изредка встречались на кухне на каком-то празднике – и отлично. В этом бурном графике даже нашлось время на зачатие сына. Но даже его появление на свет никак не отобразилось на их жизни. Были няни, были бабушки. А вот родители вновь вернулись к прежнему ритму. Пролетел год, пять, десять лет. Он из вечного студента и практиканта превратился в уважаемого врача со своим отделением. Стены его кабинета были увешаны дипломами и международными сертификатами. И теперь он поучал студентов с несколько присущей ему строгостью. Возможно, всего несколько раз он испытывал какое-то странное чувство, когда видел молодых людей в

мятых халатах, которые старались не заснуть на его лекциях. Он абсолютно не помнил время своего студенчества. Как и не помнил половину своей жизни. Все праздники, годовщины и прочие прелести человеческого существования пролетели мимо. А он все работал, а он все не хотел остановиться. Ведь, по мнению Джозефа, времени на отдых у него не было. Каждое проявление лени могло загубить все труды, к которым он упорно стремился. А в это самое время, его волосы потеряли прежний цвет и все больше на макушке виднелась небольшая залысина. Старости было без разницы, кто ты и какое положение ты занимаешь. Джозеф спасал множество жизней, но о своей совершенно забыл... Может, стоило обратиться к своей жене и хоть раз сказать, что в последнее время все чаще ему нездоровится. Но Джозеф отмахивался от всего и продолжал работать дальше. Тем более что боли отступали при правильном подборе обезболивающих.

Даже сейчас, сидя на заднем сиденье такси, он постоянно куда-то пытался дозвониться. Ни минуты покоя, ни секунды передышки...

– Благодарю, – скупно бросает он в мою сторону и выскакивает из машины.

Смотрю ему вслед и вздыхаю. Глупый человек. Разве работа может заменить важные вещи в жизни?

Глава 7

Я задержалась у здания намного дольше, чем следовало. Каждый раз как я здесь оказывалась, на меня находило какое-то странное ощущение. Все же, насколько интересен был круговорот жизни. В больницах рождались и здесь же уходили на вечный покой. Одни праздновали новую жизнь, другие выходили с заплаканными от горя глазами. Именно в такие моменты ты понимаешь, что ничто не вечно. И как бы человек не стремился перекроить под себя вселенскую материю, она пока выигрывала и обратно забирала себе все, что давала.

– Простите, видимо мне понадобится ваша помощь, – милостивая женщина в возрасте остановилась у двери и выжидающе посмотрела на меня. – Надо ехать и вы единственный подходящий транспорт в поле моего зрения.

– Что ж, тогда я вашим распоряжении. – Распахиваю двери и наблюдаю за тем, как женщина садится в салон.

– Ну вот, наконец-то, – на пожилom лице появляется умиротворенная улыбка, – а то я уже заждаюсь. Что вы так милочка смотрите на меня удивленно? Пожилому человеку свойственно знать больше, чем вы думаете.

"Карина"

Когда-то Карина молодой и бесстрашной девчонкой поддалась на рискованный шаг и эмигрировала в Штаты. Не

имея за плечами ничего, кроме диплома лингвиста и небольших сбережений, которых едва хватило на первый месяц проживания, Карина ринулась покорять этот заокеанский рубеж. Было нелегко, начиная от проблем с документацией и заканчивая бытовыми трудностями. Но амбициозную девушку это не останавливало, а наоборот служило дополнительным стимулом. К тому же, она остановилась в русскоязычном районе и это, немного облегчило ее существование. О возврате на родину не было и речи. Советское прошлое казалась серым и бесперспективным по сравнению с американскими возможностями. И она поклялась, во что бы то ни стало пустить здесь корни.

Три работы, дополнительные курсы, которые усовершенствовали знание языка, еще одна подработка. Редкие встречи с парочкой появившихся друзей. И наконец-то долгожданное знакомство с будущим мужем. Да и то, знакомством это было трудно назвать. Майкл умудрился сбить ее на своей новенькой машине, когда девушка зазевалась и так не вовремя выскочила на проезжую часть на своем велосипеде. Травма оказалась не серьезной, благо парень успел затормозить вовремя. Но воспитанный, как истинный джентльмен, Майкл после больницы пригласил девушку на чашечку чая в ближайший кафетерий, который находился на первом этаже той же больницы. И его так впечатлила эта иностранка и ее заразительный смех, что парень не удержался и взял номер ее телефона. Так завязалось их хрупкое общение, которое

переросло в нечто большее. В следующий раз они оказались в этой больнице вместе, но уже совершенно по другому поводу. После трех лет совместной жизни и простой росписи в мэрии в окружении самых близких родственников, в ту ночь они впервые стали родителями. Еще через два года они вернулись туда за вторым ребенком. На тот момент, Карина и Майкл из молоденьких ребят превратились во взрослую пару со своим жильем и стабильной работой. Он занял место отца в мастерской, она была помощницей на кафедре в местном университете. Жизнь шла своим чередом, вокруг менялось все, кроме их отношений. Их любовь была крепкой даже по прошествии еще двадцати лет. За это время дети выросли, у них самих появились семьи. На работе на них смотрели уже не как на юнцов, а на опытных товарищей. Их мнение уважали, к ним обращались за советами.

Каждый раз, когда Карина смотрела в зеркало, то без сожаления подмечала возрастные изменения. Но она не гналась за вечной красотой и уж тем более не хотела ничего продлевать. Она прожила достойную жизнь и вполне заслужено собиралась уходить на пенсию. Дети и внуки были пристроены, капитал нажит, связи с нужными людьми укреплены. Они с Майклом проделали колоссальную работу, чтобы их потомство ни в чем не нуждалось. Чтобы у них было все, чего они не имели в своей жизни. И когда все было готово к безбедной старости на берегу моря, Майкл покинул их. В тот день, когда они хоронили его, она почти не плакала. Смот-

рела остекленевшими глазами на проходящих мимо людей и лишь кивала в ответ на соболезнования. Внутри разливалось тяжелое чувство пустоты, будто вырвали часть тебя и забыли поставить что-то взамен. А ведь они хотели уйти как в сказке, в один день... Но вселенная сама решает, когда и чья партия сыграна, а чья продолжается.

В таком случае, обычно говорят, что нужно переключиться на детей и внуков и тогда боль от утраты не так оглушает. Но Карина не могла навязывать себя детям, ведь у них была своя устоявшаяся жизнь. Да и не хотела. Та самая жизнь продолжалась и у Карины, но только с другим укладом. Она не опустила руки и не закрылась ото всех. Женщина все так же продолжала давать частные уроки и выращивать любимые лилии у дома. А по выходным с удовольствием встречала всю родню за щедро накрытым столом. Лишь изредка в ее глазах можно было заметить грусть, но она настолько быстро брала себя в руки, что родные даже не замечали этого мимолетного порыва. А она скучала. Скучала по шуткам мужа, по его крепкой ладони на ее колени. По его утреннему пению за чашкой крепкого чая и по совместным вечерам у телевизора. Но ей оставалось только ждать, когда придет ее черед. Нет, она не подгоняла время, она просто ждала. И даже не удивилась, когда через восемь лет, оказалась в той самой больнице, где когда-то появились их дети на свет.

Сын тяжело втягивал воздух сквозь сжатые зубы, где-то на заднем плане слышалось всхлипывание дочери.

– Мы можем предложить радикальные меры, но... – молодой врач сцепил руки перед собой и не поднимал взгляд. Ему тоже было тяжело сообщать такие новости родным. Хотя сидящая перед ним женщина не выглядела подавленной или убитой горем. Он впервые в своей практике встретил человека, который был вроде бы как рад такой новости.

– Мам, может...

– Никаких "может" Николас, – женщина говорила твердо. – Хватит. Дайте спокойно дожить оставшееся мне время и не мучайте всякой дрянью.

– Мама, как ты так можешь? Мы же хотим как лучше! – Вскрикивает дочь и вжимается в рядом стоящего мужа.

– Эрика, мне восемьдесят четыре года и кажется, я видела все в этой жизни. Теперь я хочу уйти на заслуженный покой, так что не мешай мне. – Карина расслаблено облокотилась на спинку кресла. – Люди слишком эгоистичны. Ты думаешь, что продлеваешь жизнь. Но на самом деле ты продлеваешь мою агонию. Это не правильно. Родители не вечны. Не надо держать их возле себя лишь от страха остаться одной. Вы уже взрослые и сами имеете деток, вторых половинок. Вы не будете одиноки. А я... я уже выполнила свою миссию на этой земле.

Так она и ушла из кабинета, с гордо расправленной спиной. Позволила себе остановиться лишь на улице, чтобы в последний раз с легкой улыбкой посмотреть на то здание, где отчасти произошли самые памятные ей события.

– Я впервые вижу человека, который настолько силен духом, – признаюсь Карине и с восхищением смотрю на женщину. – Обычно люди паникуют, когда слышат такое.

– Люди просто цепляются за призрачные надежды. Не у всех хватает выдержки и силы признать свое поражение. Они готовы жить в мучениях, но стоит оно того? Я вот не уверена, что хочу мучить себя и близких. Постоянные скитания по больницам, капельницы... скоро они сами бы ругали себя за малодушие. А я не хочу так. К тому же, я действительно прожила счастливую жизнь, так что могу спокойно уйти на покой.

Карина улыбается и хлопает по приборной панели, будто подгоняя машину на встречу только ей известной концовке. И я действительно восхищаюсь этим человеком. На моей памяти всего несколько человек с гордостью принимали неизбежное и Карина пополнила этот небольшой список.

Глава 8

"Чарли"

Его роман не приняли. Вновь. Снова. Опять.

Парень в тысячный раз перечитал письмо из издательства и почувствовал, как глаза начало беспощадно жечь. Нет, он не заплачет. Он мужик, черт побери! Но, не взирая на все внутренние протесты, одинокая слезинка все же скатывается по щеке... Руки сами тянутся к телефону и набирают заветную комбинацию цифр, которую он знал лучше, чем любую молитву.

– Это Чарли Армино, – проговаривает он, едва слышит мелодичный голос секретаря. Далее слышится отчетливый вздох и что-то вроде "о, снова этот" и его переключают на линию главного редактора. Тот тоже не слишком рад слышать парня.

– Я хотел бы узнать, почему же мой роман отклонило ваше издательство? – нетерпеливо заерзал парень на своем потертом кресле.

– Потому что он не подходит под нашу политику, – отрезает мужчина в ответ. – Я повторяю вам это уже в сотый раз и не понимаю, почему вы так настырно продолжаете действовать. Попробуйте написать что-то другое и прислать нам на почту. Или вообще отсылайте в другие издательства.

– Но я хочу издать именно этот роман!

– А я говорю вам, что это невозможно! – взрывается редактор на том конце провода.

– Почему? Вы печатаете такой шлак и абсурд...

– Милейший, я не беру ваш материал по простой и очень часто встречающейся причине у начинающих авторов. Вы пишете просто и без интриги. Ваш роман сырой и над ним нужно работать и работать. Архитектура вашего текста не лучше, чем школьника. Ну, добавили вы парочку витиеватых фраз и оборотов, но это не меняет основного. Ваш текст скучен. Работайте над собой и возможно, лет через пять-десять мы будем разговаривать с вами совершенно по-другому. Удачи.

Парень вскакивает на ноги и несется вниз по лестнице. Затем с разбегу врывается в комнату и застывает. Здесь время как будто бы остановило свой ход. Книги идеальными рядами стоят на полках, письменный стол накрыт чуть выцветшей скатертью. А на нем сверкая в солнечных лучах, стоит печатная машинка. Раньше это был рабочий кабинет его матери, где она упорно трудилась над диссертацией, а затем и над дебютной книгой. Которая находилась здесь же, бережно укрытая за толстым стеклом одной из полок.

Именно его мать подтолкнула его к писательству, поощряя его успехи. И иногда заставляя его через силу писать по несколько страниц в день. Именно благодаря ее стараниям и каждодневным напоминанием о будущей славе и величии, Чарли был уверен, что однажды его имя окажется на лите-

ратурном Олимпе. Но шли года, а славы и признания все не было. Он успел закончить университет и теперь чинно трудился в местной библиотеке. Все свободное время он отдавал чтению и созданию своего будущего шедевра. Чарли конечно предполагал, что написание романа – дело нелегкое и длительное. Но чтоб настолько... А виной тому было отчасти и то, что он отвлекался на книги других авторов. О, как он завидовал их перу, их воображению! По сравнению с их романами, его собственный труд казался таким ничтожным. В их книгах было все то, что он никак не мог повторить. Повороты сюжета завораживали, а накал страстей будоражил кровь. Чарли не спал ночами, пытаясь написать хотя бы что-то приближенное. Чего таить, после нескольких бесполезных попыток, он и вовсе стал копировать понравившиеся моменты. Худо-бедно, но через шесть лет упорных поправок и изменений, его дебютный роман был готов. К сожалению, мать уже не застала этого грандиозного момента, когда он дрожащими руками отсылал рукопись по всем издательствам. Ему не с кем было разделить груз ожидания, ведь Чарли было уже тридцать шесть, а рядом никого так и не было. Девушки не задерживались рядом подолгу. Стоило им узнать, что работать на шмотки и прочие безделушки он не намерен, они уходили. Возможно им так же не нравилось, что Чарли не готов был посвящать все свободное время. Он вообще был одурманен своим писательством и мог заснуть прямо за печатной машинкой. О, да, он предпочитал печатать именно

на ней. Было что-то волшебное в стуке кнопок и шуршании бумаги. Что-то завораживающее.

Чарли каждый день обновлял почту, надеясь увидеть восторженное письмо почти из каждого издательства. Однако почта была пуста. И оставалась такой еще на протяжении почти трех месяцев. А затем пришли они. Пустые письма с такими же пустыми текстами, где всюду были отказы. Одни ссылались на сырость текста, другие на штампы. Третьи и вообще предпочли грубо оборвать переписку. Тогда парень решил взять ситуацию в свои руки и названивал им по пять раз в неделю. А они все что-то просили изменить, переписать, чтобы текст стал читаемым. И только сейчас до него дошло, что они попросту морочили ему голову.

Говорят, у творческого человека очень ранимая душа и совершенно другое восприятие мира. Что ж, это правда. И критику он принимает так же по-другому. Когда Чарли в приступе неконтролируемого гнева разворотил весь кабинет, на него так же внезапно напала апатия. Лежа посреди обломков мебели и порванных книжных листов, он гипнотизировал одну точку и не вставал несколько дней.

А затем его осенила совершенно безумная идея. Он решил создать такую новеллу, правдивей которой не было бы на свете. Чарли решил написать историю о самом себе. О чуде-писателе, который готов на любое безумство ради читателя. Но для этого, ему пришлось освоить интернет на уровне блоггера. Он записывал на своей странице все мысли, ко-

которые ему приходили на ум. Подписчиков было мало и комментарии были скудны, Чарли отчаянно пытался заинтересовать аудиторию, но бесполезно. Пока кто-то не оставил едкий комментарий, что автору желательно попробовать утопиться, но не мучить людей своими глупостями. Озарение, страх и дикий адреналин смешались в один дикий коктейль. Чарли в прямом смысле слова начал ходить по лезвию ножа. Он снимал видео и расписывал каждый случай, который он воплощал в жизнь. Комментаторы оживились, его страница запестрила предложениями, от которых у нормального человека случился бы шок. Его истории разлетались по сети, его имя наконец-то появилось в поисковике сети. Люди не скупилась на щедрые чеки ради рискованной истории и ее воплощения в реальность. Каким образом он умудрялся ходить по острию и остаться в живых, он не задумывался.

Сегодня Чарли был на взводе. Один из постоянных читателей скинул на его счет очень большую сумму денег и прописал то, что он должен был сделать. Идея была не новой, но рискованной. В принципе, как и все остальные. И подстегивали его не деньги, а то, что это была бы последняя история в цикле. История, которая бы завершила его книгу. Да, он все так и не отказался от своей глубокой детской мечты. Чарли даже отправил ознакомительный фрагмент в издательство, правда, под чужим именем, но все же. И, о чудо! Неординарность покорила издателей и ему предложили сотрудничество. Эта история – финальная точка или быть может, гран-

диозное начало в его творчестве.

Стул, веревка и камера уже стояли на своих местах. Чарли в последний раз сверялся со своими расчетами и настраивал лично собранную конструкцию, которая состояла из нехитрых предметов. Топор, трос, гиря и будильник. Ему оставалось продержаться в таком положении несколько минут, чтобы подробно описать ощущения. Красный огонек замигал на камере, оповещая о начале съемки. Чарли забрался на табурет и чуть дрожащими руками набросил веревку на шею и с гулко бьющимся сердцем оглянулся на заготовленный таймер. Как только он сработает, гиря опустится вниз и топор перерубит веревку. Дальше все дело за скорой, которую он вызвал минутой ранее. Когда он делал этот шаг с табуретки, он только и думал, что все ради искусства...

Я опасалась таких людей как Чарли. Они были странными и безумными. А еще непредсказуемыми. Сейчас он смеется, а через минуту уже плачет. Именно в таком состоянии я его и обнаружила на мосту. Его тело сотрясалось от рыданий, руки побелели от того, как он сжимал перила.

– Я так испугался, – все повторял он, – я думал, что это конец...

– Сэр, все хорошо, – успокаивающе повторяла его, уверенно подталкивая к открытой машине, – все в порядке.

На мгновение в его глазах мелькает безумный огонек и он широко улыбается.

– Я ведь стану звездой, верите?

– Верю.

– Вы даже будете стоять в очереди за моим автографом.–

Его улыбка становится ужасной и пугающей.

– Буду. – Спешу закрыть за собой дверь и едва заметно качаю головой.

Насколько человек может стать безумным ради достижения своей цели. Но настолько же он и глуп, раз решается разбрасываться таким даром, который дается всего один раз на его пути. Жизнью.

Глава 9

Оттираю сиденье от рвотной массы без единой эмоции на лице. Не то, чтобы это привычное явление, но и такое бывало. Сумасшедший писатель подтвердил свой статус. Я даже была неуверенна, что смогу довести его до конца. Он едва не выбил окно и чуть не вывалился из машины на скорости. Как я и говорила, я боялась таких как он.

Но боязнь нестабильности меркнет с боязнью того, что рано или поздно к тебе в машину садится тот, кого ты знал. Или любил.

От каждого представителя той или иной профессии пахнет по-своему. От продавца поп-корна – карамелью, от строителя – цементом. И так далее по списку. Но когда салон заполнился гарью, я передернулась. Да, так и есть. Передо мной сидел пожарный.

Русые волосы, небрежная щетина и бесконечная усталость в таких молодых глазах. И в таких родных и знакомых. Пусть ему уже не семнадцать лет, но узнать этого человека я могла из тысячи.

"Люк"

Люк действительно устал. Смена вышла адски огненной и это в прямом смысле этого слова. Да еще и этот очередной вынос мозга от матери. С отцом он вообще не общался с тех пор, как понял, что родители действуют только в своих ин-

тересах. С тех пор, как они перечеркнули его жизнь на "до" и "после".

В свое время парень был наследником одного влиятельного человека этого города. Жил в трехэтажном особняке, имел свой личный автопарк, где стояли редкие и очень дорогие машины. Каждые каникулы он отдыхал за границей, каждые выходные были насыщенными, каждый день был бурным на события. Люк жил в достатке и ни в чем не нуждался. Учился в престижной школе, девушка у него была ему под стать. Красивая и богатая. Ну и пусть, что глупая, но зато жаркая кошечка в постели. Впереди маячило такое же безбедное будущее рядом с отцом в его компании.

Любой другой бы отдал за такую жизнь и душу. Только вот с каждым днем Люк становился мрачнее тучи. Его тяготили эти бездумные вечеринки, где шампанское за бутылку стоило больше, чем получал офисный клерк. Друзья все больше походили на лживых любителей халявы. Люк иногда думал, что стоит ему оказаться без денег и они тут же покинут его вместе с этими шуршащими бумажками. Надоело ему все это. Хотелось чего-то до неприличия простого. Оставив свою подругу на шумной дискотеке, парень решил просто прогуляться по ночному городу пешком. И сам того не заметив, забрел в круглосуточную кафешку.

Он был вторым посетителем в такой поздний час. В помещении одиноко работал телевизор, еще один клиент дремал за столиком в углу. Девушка – официантка листала что-то

на телефоне и отвлеклась лишь тогда, когда Люк подошел к стойке. Синие глаза с неприкрытым интересом изучали его внешность. В воздухе повис так и не заданный вопрос о том, что такой дорогой на вид мальчик делает в этом забытом месте. Он хотел бы задать ей тот же вопрос. Красивая девчонка с молочного цвета кожей и ярко – синими глазами должна сидеть где-то в уютном доме, а не за обшарпанной стойкой.

– Добрый вечер, можно кофе, – поприветствовал он и сел напротив.

– Добрый, – смутилась она под его прямым взглядом, – но уж лучше чай. Если честно, то кофе здесь отвратный.

Надо же, помимо прекрасной внешности у нее был такой же чудесный характер. Люк согласился на предложенный напиток да так и провел здесь всю ночь до утра. Джоан, а именно так звали его новую знакомую, была совсем не против. Ибо его компания была лучше, чем одиночество в пустом кафе с храпящим поваром в подсобке. Превозмогая усталость, она даже мило согласилась, чтобы он проводил ее на автобусную остановку.

Стоит ли говорить, что эта девушка стала для него свежим глотком воздуха? Того, без которого с каждым днем становилось все трудней дышать? Ее мир, где все было таким простым, манил парня. У Джоан не было каких-то заоблачных требований, она просто его любила. А он любил ее в ответ. Люк постепенно стал проводить с ней все свое время, забросив ненужные пьянки и таких же ненужных друзей. Они

планировали совместное будущее сразу после поступления в колледж. И вроде бы красивая история любви получилась, но в этом бочонке меда была своя ложка дегтя.

Родители были против такой избранницы. Нет связей, нет денег, нет ничего, что могло бы хоть как-то поднять ее в их глазах. Мать грозилась лечь в психушку, отец – вышвырнуть его из компании и вычеркнуть из завещания. В их понимании, Люк был отравлен этой любовью к нищенке и от нее же его хотели спасти. Они доказывали, что она с ним ради денег и что хочет через постель попасть в их мир. Но Люк знал, что девушке абсолютно безразлично на его счет в банке.

Они с Джоан собирались уехать отсюда, убежать ото всех. Были собраны вещи, деньги и даже уже найден небольшой домик близ университета. Когда мир внезапно остановился. Джоан исчезла. А вместе с ней и все деньги. Не пришла в назначенное время, а ее квартирка была пустой. Как будто ее здесь никогда и не было. Люк ошарашено бродил по пустому помещению без мебели и не верил в происходящее. Отец с матерью едва могли скрыть свое ликование за напускной маской сострадания. И если они рассчитывали, что сын вернется к прежней жизни, то они ошиблись. Люк уже сам по себе не был прежним. Он так и не вернулся в отчий дом. Поступил туда, куда и планировал сам и отказался от места в отцовской компании.

– Подлец! – орал его отец. – Как ты посмел! Да я тебе ни цента не дам!

– Не давай, – устало ответил Люк, собирая последнюю сумку с вещами.

– Паршивец, – резкий рывок и вещи вырваны из его рук, – даже это, слышишь меня, это куплено на мои деньги!

Смерив родителя тяжелым взглядом, парень развернулся и вышел вон из комнаты. Плачь матери и ее мольбы он уже не слышал. Швырнул им в ноги ключи от машины и захлопнул за собой дверь.

Люк зажмурился, прогоняя подошедшие на глаза слезы. Но горечь внутри была не от этих воспоминаний, когда он отказался от всего и начал самостоятельно пробивать свой путь. А потому что через несколько лет он узнал, что именно отец поспособствовал исчезновению Джоан. Когда она отказалась от денег в конверте взамен на то, чтобы она оставила их сына в покое, отец решил проблему по-своему. Упек девчонку в клинику для душевно больных. Благодаря чеку с внушительной суммой, начальство закрыло глаза на то, что пациентка неустанно твердит о своей "нормальности". По сути, здесь каждый второй твердит о том же.

Люк узнал об этом слишком поздно. Явившись туда, он получил лишь коробку с ее личными вещами. О причине смерти ему так и не сообщили. Не положено. С тех пор, он люто возненавидел родителей. Но еще больше он ненавидел себя. За то, что своим появлением в ее жизни, Люк загубил Джоан. Сердце парня стало тяжелым камнем, который постоянно тянул на дно. И лишь работа помогала каждый день

просыпаться, когда этого уже так не хотелось. Он стал пожарным, он спасал людей. Надеясь загладить вину перед той, которая смотрела на него с небес. Парень бросался в пламя не жалея себя и тем самым, каждый раз подвергая себя опасности. Сегодня был тот самый случай, когда Люк подумал, что уже не вернется. Но вновь ему улыбнулась удача, он все-таки нашел выход из задымленного помещения...

Глава 10

«Джоан»

Щемящая тоска заполняет всю меня да так, что больно дышать. Как бы я не старалась, но руки пробивала крупная дрожь и пришлось остановить машину. Закрываю глаза и даю волю слезам. Самое сложное в нашей работе встречать знакомых и близких. Пусть даже знаешь, что они никогда тебя не узнают, возможно, кто-то уже не помнит. Но ты-то помнишь все. В этом и проблема. Воспоминания на месте, эмоции там же.

Наша работа – наше наказание. За то, что были слишком самонадеянны, глупы, меркантильны, злы... этот список можно продолжать до бесконечности. На планете проживает несколько миллиардов человек, и поверьте, не все они безгрешны. И я сейчас говорю не об основных семь грехах.

Рассказывать о себе всегда трудно. Поэтому я предпочитаю уходить от ответа. Не потому что это какая-то преступная тайна, а потому что воспоминания, которые ты держишь под замком вместе с несбывшимися мечтами и планами, вырываются наружу. И ты начинаешь жалеть себя, оплакивать свою участь. В сотый, тысячный, миллионный раз, проливая соленые слезы, но легче не становится. Ведь у тебя теперь впереди бесконечность для самобичевания.

– Приветствую вас, Джоан, – девушка на ресепшене при-

ветливо кивает, хотя ее лицо ничего не выражает. Чтобы была такая выдержка, наверно нужно прослужить не один миллион лет.

– Добрый день. – Кладу на стойку документы и ключи от авто.

– Все хорошо? – ее глаза цвета льда отрываются от монитора и смотрят на мое лицо.

– Да.

– Смена прошла нормально, никаких неприятностей?

– Все как и всегда. – Торопливо подписываю документы и стараюсь уйти от разговора. – Что с моими показателями?

– Держитесь на нужном уровне. Ваш график на месяц заполнен почти на семьдесят три процента.

– Спасибо. – Вновь сухой кивок и я отправляюсь к себе.

Безликие коридоры пустынно. Здесь редко встретишь постояльцев, а если и увидишь, то вряд ли кто-то заведет приятную беседу. Работа накладывает отпечаток и по ее окончании, ты хочешь только одного – упорядочить свои мысли. Никаких разговоров.

В такой же почти безликой комнате стоит кровать, которой я почти не пользуюсь. У окна расположился стол и стул. Есть небольшой кухонный уголок. Но даже во всей этой минималистической обстановке чувствуется какая-то насмешка свыше. Все вокруг находится здесь лишь для того, чтобы создать иллюзию жизни. Кровать для тех, кто больше никогда не устанет. Чашки и тарелки – для тех, кто более

не чувствует голода. Из всего убранства меня интересует лишь стеллаж длиною во всю стену, где умостились записные книжки. Бережно беру последнюю из них и сажусь за стол, готовясь записать последние истории, которые я "увидела" за сегодняшнюю смену. Кому – то это покажется странным, но изложение жизней своих клиентов на бумаге стало для меня некой отдушиной. Их гнев, боль, радость, смятение и другие эмоции заставляли прочувствовать себя. И в каком-то роде я "оживала". Мне на какую-то долю мгновения казалось, что я вновь вернулась в тот мир, где тебя видят абсолютно все люди. А не только что ушедшие в мир иной.

Да, я – жнец. Собиратель душ. В мои обязанности входит помочь человеку перейти от одной фазы жизни к загробной. В мифологии это был Харон с его лодкой, ну а сейчас мы. Вы зададитесь вопросом: отчего же такси? Должно быть, чтобы душа не пришла еще в большее смятение. Поверьте, видеть мечущуюся душу с ее бесполезными попытками выбраться из этого состояния – не лучшее зрелище. А так... они просто путешествуют рядом со мной и даже не всегда догадываются о случившемся.

Взять Кэрол, мою первую клиентку. Она была настолько счастлива вырваться из своей золотой клетки, что едва ли сама осознала, что попросту наглоталась таблеток и не проснулась. Или Дон, полицейский. Который думал, что ему повезло выжить на смене. Увы, бронезилет не выдержал такое количество пуль. Элаиза – бывшая модель, вряд ли догадается,

что ее измена не прошла бесследно. Она не вышла из той комнаты, где ее избивал ее спонсор Бен. Как и Джозеф, врач – трудоголик, едва ли понял, что он не приехал на операцию. Ему стало плохо в том же парке, откуда я его и забрала. Чарли – писатель... глупец, который рисковал своей жизнью ради славы... сам шагнул в мои объятия. Таймер не сработал, а скорая приехала слишком поздно и то, чтобы снять его и констатировать прискорбный факт. И... Люк. Моя первая и единственная любовь. Хорошо, что он не понял произошедшего. Он успел всех вывести, но не вышел сам.

Из череды таких нелепых и порою странных историй выбивались Марк и Карина. Престарелый адвокат уже не в первый раз был на моем пути. Его успевали реанимировать и приходилось ненадолго, но прощаться. Насколько я знаю, его возлюбленная Роза тоже ушла на покой тремя годами ранее. Хотелось бы надеяться, что там они и повстречались. А Карина, которая ничуть не смутилась и прекрасно догадалась кто я, теперь пребывала в долгожданных объятиях своего мужа Майкла.

Отдельно стоит упомянуть Бетти. Девушку, которая после вечеринки едва не попрощалась с жизнью на дороге. Я от чистого сердца ненавидела перевозить молодых и детей. Это было по нервам круче, чем кабель под напряжением. И как же я была рада, когда их успевали спасти. Как получилось и с Бетти.

Закрываю тетрадь и откидываюсь на спинку стула. Паль-

цы подрагивали, но в голове наконец-то начал рассеиваться этот туман. И внутри разливалась пустота, как будто я была переполненным сосудом, который освободили. Не знаю, сколько пройдет еще времени, чтобы я привыкла и могла отгораживаться от всех историй. Наверно, я слишком молода по меркам этого места. Но одно останется неизменным. Я – жнец, который будет не такой как все. Который постарается помочь людям и освободить их от боли. Пусть даже и ценою своего спокойствия...

Конец